

УДК 342.7

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ КРИТЕРИЕВ БЛАГОПРИЯТНОЙ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ 42 КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**

Уварова Элина Сергеевна

студентка 3 курса

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россия, г. Оренбург

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме разрыва между конституционной гарантией права на благоприятную окружающую среду и практикой его реализации, обусловленной преимущественно статичным пониманием этой категории через усреднённые нормативы. Целью исследования является обоснование необходимости перехода от фиксированных показателей качества среды к гибкому механизму их адаптации. Автором предлагается концепция разработки Стратегии дифференциации и динамического пересмотра нормативов, основанной на трехуровневой системе обеспечения экологической безопасности. Практическая значимость работы заключается в создании процедурного инструментария, позволяющего учитывать индивидуальные и региональные особенности воздействия среды на здоровье человека и преодолеть декларативность статьи 42 Конституции РФ.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, экологическое нормирование, дифференциация нормативов, стратегическое планирование, конституционные гарантии.

**THE PROBLEM OF LEGAL UNCERTAINTY IN THE CRITERIA OF A FAVORABLE
ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF ARTICLE 42 OF
THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION.**

Yvarova Elina Sergeevna

3rd-year student

Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Orenburg, Russia

Abstract. This article addresses the gap between the constitutional guarantee of the right to a favorable environment and the practice of its implementation, which is primarily due to a static understanding of this category through average standards. The aim of the study is to substantiate the need to move from fixed environmental quality indicators to a flexible mechanism for their adaptation. The author proposes a concept for developing a Strategy for the Differentiation and Dynamic Review of Standards

based on a three-tier system for ensuring environmental safety. The practical significance of this work lies in the creation of a procedural toolkit that takes into account individual and regional characteristics of the impact of the environment on human health and overcomes the declarative nature of Article 42 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: right to a favorable environment, environmental regulation, differentiation of standards, strategic planning, constitutional guarantees.

В экологическом праве давно сложилась парадоксальная ситуация: одна из ключевых конституционных гарантий – право каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ) – на практике оказывается крайне труднореализуемой. Причём проблема, как мне кажется, лежит не в плоскости отсутствия законов или подзаконных актов, их вполне достаточно. Проблема глубже и связана с самой доктриной, с тем, как юридическая наука понимает категорию «благоприятная окружающая среда». Обычно это понятие трактуется как некое статичное состояние, которое государство обязано «обеспечить» через предельно допустимые концентрации (ПДК), нормативы качества и т.д. Однако такой подход не учитывает индивидуальные особенности: что, если для конкретного человека – ребёнка, пенсионера, астматика – даже это «нормативное» состояние является неблагоприятным? Доктрина, как справедливо отмечает А.А. Ялбулганов, демонстрирует разрыв между конституционной культурой и правоприменением: «отсутствие длительной конституционно-правовой традиции... не способствует должной активности граждан по защите соответствующего конституционного права» [3]. С этим трудно спорить. На мой взгляд, наличие права в тексте Конституции само по себе ещё не создаёт реальной возможности его защитить – нужны понятные процедуры и, что не менее важно, доверие граждан к этим процедурам. Но пока не существует единого понимания, как именно следует реализовывать статью 42 Конституции РФ. Действительно, пока мы не определимся с тем, что именно защищаем, любые законы останутся формальностью.

В научной доктрине очень силён подход, согласно которому главное – это устойчивое функционирование экосистем в целом. Звучит разумно, но на деле теряется право конкретного человека на благоприятную среду именно в месте его проживания. Например, где-то в регионе экосистема считается устойчивой, леса восстанавливаются, популяции не вымирают. А человек живёт рядом с точечным источником загрязнения – свалкой или старым производством и дышать ему нечем. В масштабах региона всё «благоприятно», а ему нет. И.О. Краснова в своей статье обращает внимание на двойственную правовую природу этого права: с одной стороны, оно закреплено как субъективное право в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 № 7-ФЗ [1], но с другой – его содержание «ограничивается довольно узкой

сферой общественных отношений, связанных с негативным воздействием» [2]. Мне представляется, что это замечание как раз и объясняет, почему право на благоприятную окружающую среду так редко становится реальным инструментом защиты. Получается, что законодатель провозглашает право, но сразу же сужает его до тех случаев, где можно измерить концентрацию загрязнителей, и практически не учитывает, как именно эта среда влияет на конкретного человека с его здоровьем и повседневной жизнью. По сути, законодатель дал нам право, но не дал работающего механизма его защиты в каждом конкретном случае.

Никто чётко не объяснил, что именно является объектом защиты: текущее состояние среды или её способность к самовосстановлению и улучшению в будущем. Получается, что если сейчас среда ещё терпима – это считается допустимым. А вот утрата потенциала восстановления экосистемы остаётся как бы за рамками конституционно-правовой защиты. На мой взгляд, это огромный пробел, который напрямую влияет на реализацию права из ст. 42 Конституции РФ.

Возникает закономерный вопрос: что делать? Изучив научную литературу и подходы, я пришла к выводу: очередной федеральный закон ничего принципиально не даст. Он лишь закрепит очередные усреднённые понятия, которые, как справедливо заметил С.А. Боголюбов, порождают «новые вопросы и неясности, которых в праве не должно быть «по определению»» [3]. Самый реальный путь, как мне кажется, – это разработка и утверждение на уровне Правительства РФ Стратегии дифференциации и динамического пересмотра нормативов качества окружающей среды. Почему именно Стратегия, а не новый закон? Потому что закон – это жёсткая конструкция, а Стратегия как документ стратегического планирования задаёт вектор и позволяет гибко менять подходы к определению критериев благоприятности в зависимости от научных данных и региональных особенностей.

Ключевым элементом такой Стратегии должна стать трёхуровневая система обеспечения экологической безопасности. Сейчас ПДК едины для всей страны, как будто Крайний Север и Краснодарский край экологически идентичны. Не учитываются ни природно-климатические зоны, ни плотность населения, ни фоновое загрязнение. Я предлагаю закрепить в Стратегии следующее распределение полномочий: на федеральном уровне устанавливаются базовые (минимальные) стандарты качества окружающей среды, которые являются обязательными для всей территории РФ и не могут быть снижены. На уровне субъектов РФ регионы получают право и обязанность вводить более жёсткие нормативы с учётом своих экологических, климатических и социальных особенностей (например, для густонаселённых мегаполисов или особо охраняемых природных территорий). На муниципальном уровне органы местного самоуправления должны быть наделены полномочиями по контролю за соблюдением этих нормативов на конкретных территориях и по оперативному информированию граждан о

превышениях. Такая трехуровневая система позволит учитывать не какие-то средние показатели по всей стране, а реальную обстановку там, где человек живёт каждый день. В контексте этой Стратегии важно признать: право на благоприятную среду неотделимо от права на охрану здоровья, и измерять его только через ПДК – значит игнорировать кумулятивный, отсроченный вред, который среда причиняет организму даже при формальном соблюдении норм. На мой взгляд, «благоприятность» необходимо оценивать через призму реальной заболеваемости, уязвимости конкретных групп населения и статистики смертности в регионе – иными словами, через антропоцентричный, а не абстрактно-экологический подход. Отсюда следует, что трёхуровневая система не может работать в отрыве от медицинских данных. Там, где фиксируется рост респираторных, сердечно-сосудистых или онкологических патологий, ужесточение нормативов и ускоренный их пересмотр должны становиться не политическим решением, а юридической обязанностью публичной власти. Иначе ст. 42 Конституции так и останется декларацией, в то время как ухудшение здоровья людей станет главным доказательством неблагополучия среды, в которой они живут [4].

Кроме того, благоприятность – это не фиксированное состояние, а процесс постоянного улучшения. Стратегия должна ввести принцип регулярного, научно обоснованного пересмотра нормативов в сторону ужесточения по мере развития технологий мониторинга и накопления медицинских данных. В этой связи показателен пример ВОЗ и ЮНЕП: в 2021 году ВОЗ снизила рекомендуемую среднегодовую концентрацию частиц PM_{2.5} с 10 до 5 мкг/м³, однако национальные стандарты многих стран до сих пор в 5–10 раз выше [5]. Государство формально соблюдает свой закон, но воздух по факту вреден для здоровья. Выводы ООН как раз и говорят: важны не столько сами по себе жёсткие нормативы, сколько система, которая позволяет их регулярно пересматривать и адаптировать под условия конкретного города или региона. Это прямо подтверждает мою мысль о том, что нам нужна не очередная таблица с ПДК, а именно Стратегия, задающая механизм гибкой настройки экологических требований.

Поскольку единого материального определения благоприятности, охватывающего все случаи жизни, всё равно не создать, Стратегия должна сместить акцент на процедурные гарантии. Право на оценку воздействия на среду обитания конкретного человека, а не только на природу в целом. Право оспаривать бездействие государства, когда нормативы годами не пересматриваются. Обязанность государства публично обосновывать, почему норматив не был ужесточён.

Подводя итог, следует подчеркнуть: предложенная Стратегия, разумеется, не является универсальным решением всех накопившихся в экологическом праве проблем. Однако именно она способна стать тем недостающим звеном, которое соединит конституционную норму с реальной жизнью. Пока в науке продолжаются споры о теоретическом содержании понятия

«благоприятная окружающая среда», люди за пределами данных дискуссий ежедневно дышат загрязнённым воздухом и пьют некачественную воду. Основная идея настоящей работы как раз и направлена на то, чтобы преодолеть этот разрыв не декларациями, а конкретным работающим механизмом — через стратегическое планирование, трехуровневую систему распределения полномочий и обязательный динамический пересмотр нормативов. Только при таком подходе право, закреплённое в ст. 42 Конституции РФ, перестанет быть декларативной нормой и превратится в реально действующий инструмент защиты каждого гражданина.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2, ст. 133.
2. Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и Экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. №8 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayuschuyu-sredu-kak-konstitutsionnoe-i-ekologicheskoe-pravo> (дата обращения: 21.04.2026).
3. Ялбулганов А.А. Право на благоприятную окружающую среду в системе конституционных норм: современные проблемы правопонимания в контексте конституционной культуры (Статья) // Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности. 2011. №2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayuschuyu-sredu-v-sisteme-konstitutsionnyh-norm-sovremennye-problemy-pravoponimaniya-v-kontekste> (дата обращения: 21.04.2026).
4. Public health: Policy priorities and regulatory strategy / T. Arkhireyskaya, Ya. Borisov, A. Sokolova, O. Sokolova // BIO Web of Conferences. – 2024. – Vol. 120. – P. 01028.
5. Regulating Air Quality: The First Global Assessment of Air Pollution Legislation. – Nairobi: United Nations Environment Programme, 2021. – URL: <https://www.unep.org/resources/report/regulating-air-quality-first-global-assessment-air-pollution-legislation> (дата обращения: 14.04.2026).